

УДК 811.161.1 + 81'282.2
DOI 10.17223/18137083/73/16

Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры

И. С. Урманчиева

*Сыктывкарский государственный университет
Сыктывкар, Россия*

Аннотация

Сопоставительному анализу подвергаются фразеологизмы переселенческих говоров Низовой Печоры и общерусские фразеологические единицы идентичной семантики (при варьировании формы) или идентичной формы (при варьировании значения). Рассматривается фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая, лексическая, конструктивная, количественная и семантическая вариантность. Раскрываются перспективы сопоставительного анализа для уточнения этимологических версий, установления образной основы устойчивых выражений, описываются особенности печорских вариантов общерусских фразеологизмов, обусловленные консервацией архаических явлений и длительным обособленным существованием говора в условиях межъязыковых контактов.

Ключевые слова

фразеологизмы, говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, вариантность фразеологических единиц

Для цитирования

Урманчиева И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 237–250. DOI 10.17223/18137083/73/16

Dialect versions of the all-Russian phraseological units in dialects of Local Pechora

I. S. Urmancheeva

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation*

Abstract

The paper presents a comparative analysis of the phraseological units of dialects of the Local Pechora and the all-Russian phraseological units of identical semantics (with a form variation) or an identical form (with a semantics variation). The Russian dialects of Local Pechora are a speech of aboriginals of the Ust-Tsilemsky Region of the Komi Republic of the Russian Federation. A complex description covers a big group of the Pechora phraseological units corresponding to the all-Russian phraseological units that are the research objects. The art fea-

© И. С. Урманчиева, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

tures of dialect phraseological units are considered. Also, the analysis is made of the figurative basis reflecting a picture of the world of the inhabitant of the North. The relevance and scientific novelty of work is due to the fact that it is for the first time that this phraseological material is subjected to such a complex investigation. The main source of the study was the "Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Lower Pechora", with additional material taken from the "Dictionary of Russian dialects of the Komi Republic" and other dialect dictionaries. All-Russian phraseological units were taken from Russian phraseological dictionaries. The paper provides a broad view of the phraseological structure of the Russian language. The research has revealed phonetic, word-formative, morphological, syntactic, lexical, structural, quantitative and semantic dialectal variants of all-Russian phraseological units, as well as the phenomena of combined (mixed) variation. The comparative analysis allowed revealing the originality of the Pechora phraseological units that have preserved many archaic phenomena due to the long, isolated existence of a dialect in the conditions of interlingual contacts.

Keywords

phraseological units, dialects of the Local (Lower) Pechora, versions of phraseological units

For citation

Urmancheeva I. S. Dialect versions of the all-Russian phraseological units in dialects of Local Pechora. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 237–250. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/16

Русские говоры Низовой (Нижней) Печоры – это говоры территории позднего заселения, говоры вторичные. Формирование говоров вторичного образования разворачивается на базе уже сложившихся диалектных типов в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов [Баранникова, 1975, с. 22]. Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в XII–XVI вв. Усть-Цилемская слободка, образованная в 1542 г., стала вторым после Пустозерска (1499 г.) русским поселением на Нижней Печоре. Население этого края было смешанным, коми-русским, тем не менее большинство жителей осознавали себя русскими, т. е. «русское самосознание (и, следовательно, язык) преобладало, несмотря на сложное этническое происхождение переселенцев» [Бернштам, 2001, с. 79–80]. В конце XVII – начале XVIII в. на Печоре появляется новая миграционная волна, вызванная движением старообрядчества. Устойчивость устьцилемов как этноконфессиональной группы, по мнению Т. И. Дроновой, объясняется тем, что контакты между представителями усть-цилемской группы и двумя соседними этническими анклавами (ненцами и коми) носили сугубо рациональный характер и были ограничены очевидными культурными барьерами [Дронова, 2018, с. 78].

В целом возникновение печорских говоров в качестве самостоятельного диалектного образования относят к XV–XVIII вв. Островное положение печорских говоров способствовало, с одной стороны, консервации архаических явлений, с другой – своеобразному внутрисистемному развитию этих говоров. По своим языковым особенностям говоры Низовой Печоры – это достаточно однородные говоры архангельского (поморского) типа [Ли, 1992, с. 18–21].

Основной пласт фразеологии печорских говоров составляют единицы, «в разного рода вариантах широко распространенные не только в печорских, но и в других севернорусских говорах. Многие фразеологизмы известны и на иных территориях распространения русского языка – не только на Севере» [ФСРГНП, т. 1,

с. 4] ¹. Отнесение устойчивого оборота к локальным (или региональным) осложняется тем, что фразеология лингвогеографическим методом почти не изучалась [Ивашко, 1981, с. 6].

Описывая фразеологические единицы (ФЕ) русских говоров Республики Коми, к числу которых относятся и печорские говоры, И. А. Кобелева выделяет ФЕ, которые не отличаются от общенародных фразеологизмов, обороты, соотносящиеся с общерусскими ФЕ, но отличающиеся от них по некоторым параметрам, и ФЕ, не известные литературному языку [Кобелева, 1999, с. 8–12]. Особый интерес для исследователя представляют две последние группы фразеологических единиц – уникальные ФЕ и варианты ФЕ. Но поскольку осуществить анализ региональных фразеологизмов невозможно без отграничения их от вариантов общерусских оборотов, остановимся именно на них.

Фразеологизмы одного говора относительно сочетаний других говоров и фразеологизмы отдельных говоров по отношению к общенародным оборотам считаются вариантами [Мокиенко, 1989, с. 23–24]. В научной литературе принято разграничивать формальное и лексическое варьирование (см.: [Молотков, 1977, с. 69–86; Мокиенко, 1989, с. 29–37]). Детальные классификации представлены в работах Е. И. Дибровой [1979] и В. П. Жукова, А. В. Жукова [2006, с. 179–191], которые выделяют (с некоторыми отличиями) фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические, конструктивные, синтаксические и количественные варианты. В. И. Зимин считает целесообразным разграничить семантические варианты (вариантность в плане содержания) и формально-структурные варианты (вариантность в плане выражения) [1972, с. 71].

Среди причин фразеологической вариантности ученые называют: 1) противоречие между расчлененной формой и семантически целостным содержанием фразеологизма [Жуков, 1972, с. 25]; 2) исторические процессы возникновения фразеологизмов (большинство фразеологизмов первоначально были свободными сочетаниями, поэтому заменяемость компонентов была для них естественна) [Мокиенко, 1989, с. 16]; 3) для региональной фразеологии – устная форма существования диалектной речи [Ивашко, 1981, с. 66].

Применяя классификации вариантов фразеологизмов, ставшие уже традиционными, к печорскому фразеологическому фонду, рассмотрим вариантность фразеологизмов, которые употребляются на территории распространения говоров Низовой Печоры, и общерусских фразеологических единиц ². Несомненную сложность в описании локальных (региональных) фразеологизмов представляет отмеченное многими специалистами разграничение узальных и окказиональных вариантов фразеологических единиц. Тем не менее все анализируемые в статье печорские устойчивые обороты зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н. А. Ставшина) [ФСРГНП] и подтверждены многократными примерами употребления; значения печорских фразеологизмов приводятся по упомянутому словарю без дополнительных ссылок на него. Отдельные ФЕ зафиксированы также во «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми» И. А. Кобелевой [ФСРГРК].

¹ Таким образом, в статье не утверждается **уникальность** печорских вариантов общерусских фразеологизмов, констатируется лишь факт их употребления на территории распространения печорских говоров.

² Общерусские фразеологизмы приводятся по [ФСРЯ, ФСРЛЯ, СТСИ, БСРП, БСП, СРПП] и др. Дополнительные ссылки на эти источники, как правило, не делаются.

1. Фонетическая вариантность обусловлена в первую очередь чередованиями гласных звуков, восходящими либо к праславянским качественно-количественным чередованиям³: *ни слыху ни дыху* (печор.) – *ни слуху ни духу* (общерус.); *в рот не бирать – не брать в рот*; либо к древнему изменению /e/ в /o/⁴: *со дня на дѣн – со дня на день*.

Консонантные несоответствия компонентов печорских и общерусских фразеологизмов имеют разную природу и объясняются, во-первых, фонетическими особенностями говора (*как нароне*⁵), во-вторых, стремлением любого народного выражения к паронимии (сближению слов по созвучию), способствующей эвфонической организации фразеологизма (*ни шалко ни валко*), а также, возможно, народно-этимологической интерпретацией компонентов, сближением их с лексемами конкретного значения (*недосо́ль на столе, а пересо́ль на спине*).

Длительное обособленное существование печорских говоров позволило им сохранить архаизмы, которые употребляются и как компоненты фразеологизмов⁶: *как на долони*. В письменных памятниках древнерусского языка до XVIII в. встречается только слово *долонь*, которое затем в результате метатезы слогов трансформируется в *ладонь* [ИЭССРЯ, т. 1, с. 463].

2. Словообразовательная вариантность. Морфемные различия охватывают субстантивные, адвербиальные, адекватные и глагольные компоненты печорских и общерусских фразеологизмов. Префиксальное и суффиксальное несоответствие компонентов, как правило, не затрагивает семантического уровня: *едом (едуном) есть* (печор.) – *есть поедом* (общерус.); *битый дурак – набитый дурак; не прокладая рук – не покладая рук; ноль без палки – ноль без палочки*.

Словообразовательная вариантность сопровождается употреблением в составе печорских оборотов словообразовательных диалектизмов: *мураши*⁷ *по коже забегали; зубы на полицу*⁸ *положить*.

3. Морфологическая вариантность прежде всего возникает за счет предложно-падежного варьирования: *пропускать мимо уши* (печор.) – *пропускать мимо ушей* (общерус.), *из души в душу (жить) – душа в душу, ладаном дышит – на ладан дышит*. Морфологическая вариантность проявляется в употреблении

³ Чередование [ы] // [у] в корнях *слых-* / *слух-*, *дых-* / *дух-* объясняется древним чередованием монофтонга *й с дифтонгом *оѣ (*й // *оѣ), ср.: *слышать, слух; дышать, дух*. Общеславянские корни *-бир-* / *-бр-* (*-bīr-* / *-bīr-*) претерпевают количественное чередование монофтонгов [и] // [ь] < *ī // *ī̆.

⁴ В печорских говорах изменение /e/ в /o/ в положении после мягкого согласного перед твердым охватило более широкий круг лексики в сравнении с литературным языком [Ли, 1992, с. 58].

⁵ Переход твердых шипящих в свистящие ([ш] → [с]) в печорских говорах представлен малочисленными фактами [Ли, 1992, с. 41]. Наречие *нароне* может употребляться и вне оборота: *С сенокосу идеш, напотеш, дак нароне ешию купаессе* [СРГНП, т. 1, с. 457].

⁶ Слово *долонь* до сих пор употребляется в печорских говорах в своем прямом значении: *Без вачег долони болят, мозоли будут* [СРГНП, т. 1, с. 184].

⁷ В печорских говорах слово *мураши* до сих пор употребляется в значении ‘муравей’: *Тут фсё муравьишиа, мурашы жывут* [СРГНП, т. 1, с. 431]. Компонент общерусского фразеологизма *мурашки* в качестве энтомосемизма сейчас не употребляется, однако в формировании образной основы ФЕ он участвовал: ощущение озноба похоже на перемещение по телу муравьев [РФ, с. 454].

⁸ Слово *полица* употребляется вне фразеологического оборота повсеместно на территории распространения печорских говоров, ср., например: *Тазы лежат на полици, длинна полица* [СРГНП, т. 2, с. 90].

предлога *по-за*⁹ с род., дат. и твор. падежами: *по-за глаза / глазам / глазами* (ср. общерус. *за глаза*). Предложно-падежному варьированию подвергаются также адъективные и прономинальные компоненты: *жить у всего готового* (печор.) – *жить на всём готовом; молодой да ранний – из молодых да ранний*.

Морфологическая вариантность общерусских и диалектных устойчивых оборотов может быть обусловлена употреблением субстантивных компонентов в несовпадающих числовых формах, что нередко объясняется своеобразием категории числа диалектных существительных: *пройти огни и воды <и медные трубы>* (печор.) – *пройти огонь и воду <и медные трубы>* (общерус.), *одно костьё*¹⁰ – *одни кости*.

Вариантность печорских фразеологизмов может быть обусловлена характерным для диалектных систем переходом компонента-существительного из одного грамматического рода в другой: *тихим сапом* (печор.) – *тихой сапой* ‘исподтишка, скрытно, незаметно’ [ФСРЯ, с. 380], что обусловлено не в последнюю очередь семантической незначимостью компонента *сапа* для носителей диалекта.

4. Синтаксическое варьирование представлено в говорах Низовой Печоры немногочисленными примерами и затрагивает как фразеологические единицы коммуникативного характера со структурой предложения, так и фразеологизмы-словосочетания. Например, печорский глагольный фразеологизм, по структуре соответствующий словосочетанию, *в душе лежать* ‘быть очень любимым кем-то’ имеет идентичную семантику и образную основу с литературной глагольно-пропозициональной ФЕ, равной предложению, *душа лежит (к кому, к чему)* ‘о склонности, расположении к кому-либо или чему-либо’. Структурные различия предопределяют несоответствие синтаксических функций этих оборотов: печорский фразеологизм выступает в качестве сказуемого в двусоставном предложении, а общерусский бывает сказуемым только односоставного предложения¹¹.

Усложнение однородного ряда наблюдается в первой части печорского устойчивого выражения, в котором на месте лексических однородных компонентов обнаруживаются синтаксические: *где день, где ночь – сутки прочь* (ср. общерус. *день да ночь – сутки прочь*).

5. Лексическое варьирование¹². Вопрос о разграничении лексической вариантности фразеологизмов и фразеологической синонимии носит дискуссионный характер, что неоднократно отмечалось учеными. Фразеологизмы, имеющие тождественное значение, единство внутренней формы, семантическую равнозначность или близость варьируемых компонентов, неизменность синтаксической конструкции, называют **лексическими вариантами фразеологизма, дублетными фразеологическими оборотами, синонимическими вариантами** (более подробно см.: [Жуков В. П., Жуков А. В., 2006, с. 185; Шанский, 1985, с. 50–55] и др.). Сопоставление печорских фразеологизмов с общерусскими позволило выявить фразеологические варианты с лексическими субституциями на основе:

⁹ Предлог *по-за* фиксируется толковыми словарями как областной, устаревший [СОШ, с. 537]. В говорах низовой Печоры он имеет широкое употребление [СРГНП, т. 2, с. 81].

¹⁰ Для говоров северного наречия характерно широкое распространение своеобразно образованных собирательных существительных с суффиксом *-й-* и окончанием *-о* [Образование севернорусского наречия..., 1970, с. 221].

¹¹ Ср.: *Уж тридцать лет прошло, а всё он у меня в душе лежит* [ФСРГНП, т. 1, с. 72] и *Не лежит у меня к нему душа*.

¹² Более подробно лексическая вариантность печорских и общерусских фразеологизмов рассмотрена в статье автора: [Урманчеева, 2016].

а) синонимических отношений (*свернуть в бараний рог* (печор.) – *скрутить в бараний рог* (общерус.), *только пятки блестят* – *только пятки сверкают*);

б) антонимических отношений (*с полу взять* (печор.) – *с потолка* [взять (что-л.)] [СТСИ, с. 336]);

в) партитивных (меронимических) отношений – отношений части и целого (*мизинного пёрста не стоит* – *ногтя не стоит*, *куриная голова* – *куриные мозги*);

г) гиперо-гипонимических отношений (*не в коня овёс* – *не в коня корм*, *курицно молоко* – *птичье молоко*¹³);

д) гипонимических отношений (*как на шильях* – *как на иголках*; *бабья осень* – *бабье лето*);

е) отношений иной тематической, семантической, ассоциативной близости (*носить солнце решетом* – *носить воду решетом*, *за ушами пищит* – *за ушами трещит*).

Лексическое варьирование компонентов фразеологизмов в ряде случаев объясняется особенностями ландшафта и климата, традиционных занятий и промыслов, повседневным укладом жизни диалектоносителей. Так, в ФЕ *белая мошка*, *белые комары* (ср. общерус. *белые мухи* ‘первый снег’) вместо компонента *мухи* – типичной приметы средней полосы или юга России – употребляются лексемы *мошка* и *комары* – неременный атрибут холодного северного лета. Система пространственных координат, в которой существует житель Печорского края, исключает городское поселение, возможно, поэтому печорский вариант фразеологизма-антитезы *ни к селу ни к городу* звучит как *ни к селу ни к берегу*. *Берег, река* – пространственные маркеры жителя Нижней Печоры, важные для его картины мира.

Отличительной особенностью диалектных вариантов общерусских фразеологизмов является использование в них локализмов – узуальное или окказиональное, исконное или приобретенное: *раскошевить*¹⁴ *душу* (печор.) – *разбередить душу* (общерус.), *как кычко*¹⁵ *на сене* – *как собака на сене*, *на один копыл*¹⁶ – *на одну колодку*, *шаньгу*¹⁷ *маслом не испортишь* – *кашу маслом не испортишь*. Использование некоторых локализмов – результат межэтнических контактов с местным коми-зырянским населением: так, слово *шаньга* широко представлено в севернорусских и сибирских говорах, но, по одной из версий, в русский язык оно попало из коми языка [Мызников, 2007, с. 317–319], как и слово *кычко* от коми *кычи*, *кычан* ‘щенок’ [КЭСЯ, с. 155].

Варьируемые компоненты нередко выступают как знаки, символы. Взаимозаменяемость компонентов, выполняющих символическую функцию, основывается на сходстве их культурных значений. Например, литературный фразеологизм *взять*

¹³ В некоторых языках вместо компонента *птица* (*птичий*) выступает компонент *курица* (*куриный*) [РФ, с. 443] как прототипический образ домашней птицы, продолжающий тематический ряд домашних животных (коров, коз), от которых получают молоко. Поэтому употребление слова *курицын* в печорском фразеологизме вполне соответствует особенностям картины мира диалектоносителя – жителя деревни. Ср. также взаимозамены в ФЕ как *от курицы молока*, *что от быка молока* (печор.) – *как (что) от козла молока* (общерус.).

¹⁴ *Раскошевить* – ‘потревожить, побеспокоить’ [СРГНП, т. 2, с. 206].

¹⁵ *Кычко* – ‘пёс, кобель’ [СРГНП, т. 1, с. 371].

¹⁶ *Копыл* – ‘деревянная колодка для изготовления обуви’ [СРГНП, т. 1, с. 332].

¹⁷ *Шаньга* – ‘лепешка из ячменной, ржаной, пшеничной муки с незагнутыми краями и открытой начинкой’ [СРГНП, т. 2, с. 437].

за горло / за глотку / за жабры ‘заставлять поступать определенным образом’ предполагает варьирование антропоморфных и зооморфных соматизмов *горло*, *глотка*, *жабры*, которые имеют символическую функцию жизненно важных органов [БФСРЯ, с. 45]. Вариантный ряд в говорах Низовой Печоры дополняется компонентом *рёбры*¹⁸ (за *рёбры* взять), который не является обозначением жизнеобеспечивающего органа, но метонимически отождествляется с *лёгкими* (все соматизмы актуализируют дыхательную функцию организма). В печорских фразеологизмах *базарная корова* и *память овечья* зооморфные компоненты *корова* и *овечья* по своему культурному значению идентичны антропным компонентам *баба* и *девичья* общерусских ФЕ *базарная баба*, *девичья память*.

Вообще сопоставление общерусских фразеологизмов с выражениями, сохранившимися в говорах, позволяет уточнить и даже пересмотреть существующие этимологические версии (см. более подробно о ФЕ *ни богу свечка, ни чёрту ожег*, *вить заморить*, *кишки заморить* в [Урманчеева, 2016, с. 78–79]).

6. Конструктивное варьирование¹⁹ свойственно фразеологическим единицам, которые соотносятся друг с другом как полная и сокращенная разновидности. В говорах Низовой Печоры сохранились фразеологические единицы (часто – пословицы), которые в литературном языке известны только в сокращенном варианте. Вполне вероятно, однако, процесс не сокращения, а наращивания фразеологизма в результате окказионально-диалектного употребления.

Полноструктурные устойчивые выражения, по сравнению со своими краткими вариантами, обладают более сложной с художественной точки зрения организацией, основанной на таких средствах выразительности, как рифма, ритм, паронимасия, антитеза, градация, синтаксический и образный параллелизм и др. (*с лица воду не пить, а ума не купить; старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет; в голове вертится, а на язык не попадает; что бог послал, то и на стол настлал; где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь; язык без кости, мелет напрости*).

В шутивно-каламбурном ключе, основанном на парадоксе, алогизме, построенны выражения *говорят, что кур доят, коров на яйца садят; покойной ночи, спать до полночи, а с полночи кирпичи ворочать; на сердитых воду возят, на горячих хлеб пекут; с лёгким паром, с тяжёлым угаром*.

7. Квантитативные варианты ФЕ различаются количеством компонентов и представляют собой одно из проявлений конструктивного варьирования (см., например: [Жуков В. П., Жуков А. В., 2006, с. 181]). Печорские фразеологизмы могут отличаться от общерусских:

а) наличием адъективных компонентов (*синее море по колено; не сладкий мёд; законы как косилочное*²⁰ дышло: куда повернёшь, туда и вышло);

б) наличием субстантивных компонентов (*нос до неба задрать; креста на воротах (вороту) нет*);

в) наличием прономинальных компонентов (*своя охота пуще неволи; на моих / твоих / её хлебах жить*);

¹⁸ Нельзя исключать и паронимическую аттракцию с компонентом *жабры*.

¹⁹ Более подробно см.: [Урманчеева, 2017а; 2017б].

²⁰ *Косилочный* – ‘предназначенный для косьбы’ [СРГНП, т. 1, с. 338]. В говорах Низовой Печоры слово *дышло* означает ‘часть сохи – стержень, прикрепляющий соху к оглобле’ [СРГНП, т. 1, с. 196], тогда как в литературном языке это ‘толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки’ [СОШ, с. 180].

г) наличием нумеративных компонентов (как курица с **первым** яйцом *носиться*);

д) наличием глагольных компонентов (*до небес **выздынули**; во всю ивановскую реветь (одираться)*).

8. Семантическое варьирование. В развитии семантической вариантности не последнюю роль играют компоненты ФЕ, обладающие множественным семантическим потенциалом и способствующие формированию разных образов. Например, соматизм *рот* функционально связан и с речевой деятельностью, и с приемом пищи, в результате чего фразеологизм *во весь рот*, помимо общеизвестного значения ‘очень громко (кричать)’, в говорах Низовой Печоры употребляется в значении ‘с большим аппетитом, с жадностью (есть)’, ‘есть чего-либо очень много’²¹. Символьное значение инструментальности соматизма *рука* [Ковшова, 2012, с. 185] способствует развитию у ФЕ *к рукам прибирать / прибрать* в печорских говорах, кроме значения ‘присваивать’, семантики ‘брать что-то под свое наблюдение, своевременно выполнять какую-то работу’²². Соматизм *глаз* символизирует внимание, направленное на тот или иной объект, и магическую силу, способность наводить порчу [Гудков, Ковшова, 2007, с. 160–161], поэтому ФЕ *глаз положить* в говорах Низовой Печоры имеет значение ‘сглазить’²³ (ср. общеизвестное значение ‘приметить для себя’).

Символичность компонентов фразеологизма может ослабевать, что приводит к повышению прозрачности фразеологизма, снижению его идиоматичности. Так, соматизм *уши*, метонимически обозначающий ‘слух, способность слышать’ и формирующий общеизвестное значение ФЕ *уши вянут* ‘противно слушать что-либо предельно глупое, нелепое’, в печорском фразеологизме отождествляется с увядающим от жары растением и способствует формированию значения ‘уши горят от банного жара’²⁴.

9. Явления комплексного варьирования (фонетико-словообразовательного (дать дерка – ср. *дать дёру*), лексико-грамматического (*дочи не плачет – мати не понимает* – ср. *дитя не плачет, мать не понимает*), лексико-синтаксического (*дёшево, да мило – дешёво и сердито*) и др.) требуют детального описания в отдельном исследовании.

* * *

Между печорскими и общерусскими фразеологизмами устанавливаются варианты отношения, идентичные отношениям между ФЕ внутри одной системы: фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические, конструктивные, количественные, семантические, а также явления комплексного варьирования. Следует отметить наибольшую частотность лексического варьирования, граничащего с синонимией фразеологизмов, и количественно-конструктивного варьирования.

К анализу диалектных фразеологизмов в статье не применялся лингвогеографический метод, и их широкая локализация за пределами печорских говоров не устанавливалась. Тем не менее лексикографические данные позволяют отметить

²¹ Ср.: *Когда сезон, так мы ягоды едим во весь рот* [ФСРГНП, т. 1, с. 133].

²² Ср.: *Слава богу, всё к рукам прибрали овощи, до заморозков успели* [ФСРГНП, т. 1, с. 295].

²³ Ср.: *Это цыганы глаз положили на девуку; уехали, дак она сразу заболела* [ФСРГНП, т. 1, с. 166].

²⁴ Ср.: *Он хлещиэтся так – уши вянут* [ФСРГНП, т. 2, с. 357].

распространение некоторых оборотов не только в Усть-Цилемском районе Республики Коми, но и в Троицко-Печорском (*в рот не бирать* [ФСРГРК, с. 23]), Княжпогостском, с. Серегово (*со дня на дён* [Там же, с. 71]), Прилузском, с. Летка (*синее море по колено* [Там же, с. 236]). ФЕ *дать дерка* употребляется, помимо печорских, в псковских и тверских говорах [БСП, с. 187], *дать тягалия* – новгородских [Там же, с. 677], *белые комары* – пермских [ФСПГ, с. 173], *мураши по коже забегали* – новгородских и сибирских [БСП, с. 417], *в лежачку лежать* – сибирских и костромских [Там же, с. 355], *одно костьё* – в говорах Карелии [СРГК, т. 2, с. 445], *едом есть* – говорах Забайкалья, Мордовии, Курской обл. [БСП, с. 222] и т. д.

Большинство диалектных вариантов общерусских фразеологизмов состоит из общеупотребительных компонентов, но яркой отличительной особенностью региональных устойчивых оборотов является всё же употребление в их составе локализмов – фонетических, семантических, словообразовательных, морфологических, собственно лексических, этнографических (*как наросне, мураши по коже забегали, зубы на полицу положить, одно костьё, раскошевить душу, на один копыл, глухой пестерь, законы как косилочное дышло: куда повернёшь, туда и вышло*).

Существование многочисленных лексических вариантов, отражающих картину мира диалектоносителя-северянина, во многом объясняется особенностями ландшафта и климата, традиционных занятий и промыслов, а также межэтническими и межязыковыми контактами: *белая мошка, как собака да росомаха жить, распустить тюни*²⁵, *шишко*²⁶ *носит, шаньгу маслом не испортишь, как кычко на сене, как зельдей*²⁷ *в бочке*.

Вариантность ФЕ демонстрирует неисчерпаемость творческого потенциала народа, который реализуется в неосознанном или намеренном использовании средств выразительности, начиная со звукоизобразительных синонимов, отличающихся экспрессивностью звучания (*в голову втрёщить; языком лямзать / ляцкать / вичкать / тилькать; выздынуть нос до луны*), и заканчивая фигурами и словесными играми, такими как рифма, ритм, паронимия, антитеза, градация, синтаксический и образный параллелизм, парадокс, каламбур и др., выполняющими эстетическую, экспрессивную и мнемоническую функции (примеры см. в п. 6 «Конструктивное варьирование»).

Консервирующая роль фразеологизмов хорошо известна и изучена. Они часто сохраняют реликтовые явления, утраченные языковым узусом. Эта же особенность присуща диалектам, особенно островным, переселенческим, в результате диалектный фразеологизм может включать компоненты разной степени архаизации (компонент, устаревший в литературном языке, но сохранившийся в диалектах, и компонент, устаревший и в литературном языке и в диалектах, но сохранившийся во фразеологизмах): *как на долони, сквозь перстьё (персты, перстья) смотреть, на один лик, дочи не плачет – мати не разумеет*.

²⁵ *Тюни* – ‘обувь с жесткой нижней частью и мягким голенищем из невыделанной кожи’ [ФСРГРК, с. 367]. Возможна паронимическая аттракция с *нюни*.

²⁶ *Шишко* – ‘нечистый дух, чёрт, дьявол’ [СРГНП, т. 2, с. 447].

²⁷ *Зельдь* – ‘ряпушка беломорская’ [СРГНП, т. 1, с. 281]. Исторически проникло из соседних коми диалектов, однако не исключена возможность, что коми *зельдь* – более древнее заимствование из русск. *сельдь* [Герд, 1970, с. 116]. О словах *шаньга, кычко* см. п. 5 «Лексическое варьирование».

Русские говоры сохраняют утраченные литературным языком устойчивые обороты. В говорах Низовой Печоры это: *ни богу свечка, ни чёрту ожег; губа не дура, язык не лопата – знают, что горько, что сладко; ни кола, ни двора, ни милого живота; чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда; дружбу дружить, а камень за пазухой держать* и др. При всей сложности отграничения таких фразеологизмов от позднейших новообразований роль подобных ФЕ в прояснении внутренней формы и уточнении этимологических версий трудно переоценить.

Список литературы

- Баранникова Л. И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22–31.
- Бернштам Т. А.* Былины на Печоре // Свод русского фольклора. Былины. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1.
- Герд А. С.* Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. Вып. 1. С. 108–117.
- Гудков Д. Б., Ковишова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Диброва Е. И.* Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 192 с.
- Дронова Т. И.* “Чужие” в традиционных представлениях русских староверов Усть-Цильмы // Изв. Коми научного центра УрО РАН. Историко-филологические науки. 2018. № 1 (33). С. 75–79.
- Жуков В. П.* Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симп. (1968). Тула: Тульск. гос. ун-т, 1972. С. 20–29.
- Жуков В. П., Жуков А. В.* Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.
- Зимин В. И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симп. (1968). Тула: Тульск. гос. ун-т, 1972. С. 70–82.
- Ивашко Л. А.* Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 110 с.
- Кобелева И. А.* Фразеология русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1999. 84 с.
- Ковишова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Либроком, 2012. 456 с.
- Ли А. Д.* Русские говоры Коми республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 1992. 106 с.
- Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
- Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 239 с.
- Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007. 395 с.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 455 с.
- Урманчеева И. С.* Лексическое варьирование печорских фразеологизмов в сопоставлении с общерусскими // Вестник Вят. гос. гуманит. ун-та (Киров). 2016. № 4. С. 75–82.

Урманчиева И. С. Полноструктурные и краткие варианты печорских и общерусских фразеологизмов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017а. № 14–15. С. 63–71.

Урманчиева И. С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017б. № 50. С. 125–134.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Список источников и словарей

БСП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 784 с.

ИЭССРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз. Медиа, 2007.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 432 с.

РФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд. С.-Петербург. ун-та, 1994–2002. Т. 1–5.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.

СРПП – Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2002. 544 с.

СТСИ – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

ФСРПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСРГРК – Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.

ФСРЛЯ – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2001. 512 с.

References

- Barannikova L. I. Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of territories of late settling and problem of their classification]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1975, no. 2, pp. 22–31.
- Bernshtam T. A. Byliny na Pechore [Bylinas on Pechora]. In: *Svod russkogo fol'klora. Byliny* [The arch of the Russian folklore. Byliny]. St. Petersburg, Nauka, Moscow, Klassika, 2001, vol. 1.
- Gerd A. S. Iz istorii pechorskikh nazvaniy ryb [From history of the Pechora names of fishes]. In: *Severnorusskie govory* [The North Russian dialects]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1970, iss. 1, pp. 108–117.
- Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [Corporal code of the Russian culture: materials to the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 288 p.
- Dibrova E. I. *VARIANTNOST' frazeologicheskikh edinits v sovremennom russkom yazyke* [Alternativeness of phraseological units in modern Russian]. Rostov-on-Don, RSU Publ., 1979, 192 p.
- Dronova T. I. “Chuzhie” v traditsionnykh predstavleniyakh russkikh staroverov Ust'-Tsil'my [“Strangers” in traditional representations of the Russian conservatives of Ust-Tsilma]. *“Proceedings” of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. Historical and Philological Sciences*. 2018, no. 1(33), pp. 75–79.
- Ivashko L. A. *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii* [Sketches of the Russian dialect phraseology]. Leningrad, LSU Publ., 1981, 110 p.
- Kobeleva I. A. *Frazeologiya russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseology of the Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, Syktyvkar Univ. Publ., 1999, 84 p.
- Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury* [A linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, Librokom, 2012, 456 p.
- Li A. D. *Russkie govory Komi respubliki* [Russian dialects of the Republic of Komi]. Syktyvkar, Komi Pedagogical Institute Publ., 1992, 106 p.
- Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 287 p.
- Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Fundamentals of phraseology of Russian]. Leningrad, Nauka, 1977, 239 p.
- Myznikov S. A. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [The atlas of the substratny and borrowed lexicon of the Russian dialects of the Northwest]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 395 p.
- Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov: Po materialam lingvisticheskoy geografii* [Formation of the North Russian adverb and Central Russian dialects: On materials of linguistic geography]. V. G. Orlova (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1970, 455 p.
- Shanskiy N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. Vyssh. shk., 1985, 160 p.
- Urmancheeva I. S. *Leksicheskoe var'irovanie Russian*. Moscow, Vyssh. shk., 1985, 160 p. *pechorskikh frazeologizmov v sopostavlenii s obshcherusskimi* [Lexical variation of the Pechora phraseological units in comparison to all-Russians]. *Herald of Vyatka State University (Kirov)*. 2016, no. 4, pp. 75–82.

Urmancheeva I. S. Polnostrukturnye i kratkie varianty pechorskikh i obscherusskikh frazeologizmov [Full structural and short versions of the Pechora and all-Russian phraseological units]. *Science Review: Humanities Research*. 2017a, no. 14–15, pp. 63–71.

Urmancheeva I. S. Ritmiko-rifmicheskaya organizatsiya kak proyavlenie konstruktivnoy variantnosti pechorskikh i obscherusskikh frazeologizmov [Rhythm and rhyme organization as manifestation of constructive alternativeness of the Pechora and all-Russian phraseological units]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017b, no. 50, pp. 125–134.

Zhukov V. P. Ob ustoychivosti i variantnosti frazeologizmov na semanti-cheskom urovne [About stability and alternativeness of phraseological units at the semantic level]. In: *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit. Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* [Problems of stability and alternativeness of phraseological units. Materials of an interuniversity symposium (1968)]. Tula, TSU, 1972, pp. 20–29.

Zhukov V. P., Zhukov A. V. *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow, Vyssh. shk., 2006, 408 p.

Zimin V. I. K voprosu o variantnosti frazeologicheskikh edinit [To a question of alternativeness of phraseological units]. In: *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit. Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* [Problems of stability and alternativeness of phraseological units. Materials of an interuniversity symposium (1968)]. Tula, TSU, 1972, pp. 70–82.

List of sources and dictionaries

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow, Astrel', AST, Khranitel', 2007, 926 p.

Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy [Big phraseological dictionary of Russian. Value. Use. Culturological comment]. V. N. Teliya (Ed.). Moscow, AST-PRESS KNIGA, 784 p.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian: In 2 vols]. Moscow, Rus. yaz., Media, 2007.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', AST, 2008, 878 p.

Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: V 2 t. [Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vols]. N. A. Stavshina (Comp.). St. Petersburg, Nauka, 2008.

Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka [The phraseological dictionary of Russian]. A. I. Molotkov (Ed.). Moscow, AST, Astrel', 2001, 512 p.

Kobeleva I. A. *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of the Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, Syktyvkar Univ. Publ., 2004, 312 p.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi PH, 1999, 432 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of the Russian sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2008, 784 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoy slovar' russkikh poslo- vits* [Big dictionary of the Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2010, 1024 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dic- tionary of Russian]. Moscow, AZ, 1995, 928 p.

Prokosheva K. N. *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dic- tionary of the Perm dialects]. Perm', PSPU, 2002, 431 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. A. S. Gerd (Ed. in Ch.). St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2002, vols. 1–5.

Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: V 2 t. [Dictionary of the Russian dialects of Local Pechora. In 2 vols]. L. A. Ivashko (Ed.). St. Petersburg, Department of Philol- ogy, SPbSU, 2003.

Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki [The dictionary thesaurus of mod- ern Russian idiomatics]. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'sky (Eds). Moscow, Mir entsiklopediy Avanta+, 2007, 1135 p.

Zhukov V. P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of the Russian proverbs and sayings]. Moscow, Rus. yaz., 2002, 544 p.

Сведения об авторе

Урманчеева Ирина Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент Ин- ститута гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

ssu@syktsu.ru

ORCID 0000-0001-6376-1059

Information about the author

Irina S. Urmancheeva – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Russian Phi- lology of Institute of the Humanities, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ssu@syktsu.ru

ORCID 0000-0001-6376-1059